

Фото из семейного архива

Нынешней весной Юрию Мамлееву торжественно вручили очень престижную международную Пушкинскую премию, учрежденную Фондом Альфреда Топфера при участии Международного ПЕН-клуба.

— Юрий Витальевич, вы ни по настроению, ни по интонации не совпадаете с Пушкиным. Знаю недоумевающих литераторов: почему «кафкианцу», автору «Черного зеркала» и «Шатунов» дают Пушкинскую премию?

— Премию мне дали за создание литературного направления — условно, метафизического реализма. Самые разные поэты и писатели причисляют себя к моим ученикам. Здесь и Сорокин, и Пелевин до известной степени...

— По определению «Плейбое», вы с Сорокиным и Пелевиным, перестали шакалить по задворкам серебряного века и перекаленифицировались в оправды. Вас называют реальными писателями для реальных людей. У каждого из вас своя читающая публика. Вы не соревнуетесь в популярности?

— Это отсутствует. Я радуюсь успеху талантливых писателей. «Поколение П» Виктора Пелевина произвело на меня достаточно сильное впечатление. В нем соединение интеллектуализма и острого сюжета.

— Вас не шокирует публикация ваших рассказов в «Плейбое» в окружении обнаженных топ-моделей?

ПАРОМЩИК

Писатель Юрий Мамлеев: «Не переносите греховность моих героев на меня»

ПО АДУ

— Набоков тоже публиковался в «Плейбое». А что касается обнаженных женщин, красота меня не шокирует.

— Вас трудно поймать в Москве, вы в постоянном перемещении по Европам и Америкам. Где ваш дом?

— Получается, что во Франции и в России. Веду обычный европейский образ жизни, как некогда Тургенев. Многие писатели Запада часто живут как бы в двух мирах — в Америке и в Европе.

— В Париже у вас собственная квартира?

— Разумеется, есть небольшая двухкомнатная. Говорят, у нас там все по-русски. Был такой случай: мой роман «Шатуны» во Франции сопровождался большой прессой. Пришли ко мне молодые журналисты из журнала «Актоэль». Открываю дверь и читаю на их лицах удивление, даже смятение. Уже после интервью, смеясь, они признались в том, что после «Шатунов» предполагали: выйдет к ним лохматый автор романа с топором, страшный, дикий, как герой романа. Вдруг они увидели нормального человека и нормальное, удобное жилье. Действительно, творческое «я» и человеческое «я» автора часто не совпадают. Это разные личности.

— Как вы оказались в эмиграции?

— Весь наш круг нонконформистов был под наблюдением, и высылка проходила своеобразно. Нашему отъезду не чинили препятствий, достаточно было подать какое-нибудь заявление о родственниках, якобы живущих за границей.

— Вы с ходу попали в Париж?

— Нет, нас приютила Вена. Процедура нашего переезда в Штаты заняла месяцев шесть. Благодаря участию слависта Жоржа Гибана мы оказались в городе рядом с Канадой, в университете Cornell University, где заведовал кафедрой славистики Гибан и где когда-то преподавал Набоков и написал свой роман «Пнин». Мы попали в набоковскую атмосферу, хотя сам Набоков в это время уехал в Швейцарию.

— Кажется, вы успели там обзавестись домом?

— Да, у нас был очень красивый особнячок и машина. Водила ее жена Маша. Из-за расseyности я не могу сесть за руль.

— И почему вы рискнули выбраться из американского достатка в Париж?

— Маленький русский Париж составляли многие наши друзья — Михаил Шемякин, Владимир Максимов, Олег Целков, Оскар Рабин. Переехать в Париж не так-то просто. Нам очень помог Рене Тавернье, президент французского ПЕН-клуба, поскольку отнесся благосклонно к моим книгам.

— Юрий Витальевич, я была удивлена вашими дворянскими корнями.

— Мой отец — из рода пензенских помещиков. У меня сохранились фотографии моих предков. Один из них, хан Мамлеев, отличился на войне 1812 года. И царь пожаловал ему русское дворянство.

— Постоянно общаясь со своими мрачными персонажами, вы большой грех берете на душу. У вас как в притче: муж грешит, а жена грехи замаливает?

— Вы, очевидно, греховность моих героев переносите на меня? Прежде всего большинство моих произведений — это не реализм. К моим персонажам нельзя относиться как к героям реалистической прозы. Мои рассказы — сплав метафоры, метафизики и символизма. Вспомните сказки многих народов — они на самом деле символически изображают странствия человека по загробному миру. Я же взял не форму сказок и легенд, а форму традиционной прозы. Очевидно, это может ввести в заблуждение; это символическое и метафизическое путешествие по аду. Вспомните картины Иеронима Босха и его персонажи. Ему можно, а мне нельзя?

— Продолжим путешествие вместе. Ваш рассказ «Свадьба» со смертью жениха и явлением странного мушкетера «недоступного роста», воскрешение нобобратного трупа — вся атмосфера рассказа пропитана алкоголем. Вы этим делом не грешили в молодости?

— Конечно, грешил, как и многие. Один эмигрант в Америке признался: «Всем хорошим в себе я обязан водке». Выражение классическое. У нас пила вся страна.

— А сейчас пьет вся страна минус Мамлеев, который совсем в рот спиртного не берет.

— Для нас алкоголь был тогда одним из способов психологической защиты от давления ситуации. К сожалению, потом это зло затягивает. Вовремя остановиться — вот в чем была проблема.

— В ваших рассказах часто действуют странные мертвецы. Люди живьем ложатся в гроб — ради познания. Вы не устали от их постоянного присутствия за вашим письменным столом? Ваша проза перенаселена странными существами.

— А у Гоголя?

— Но у него столько светлого! И язвительный смех Гоголя спасителен. От похождения ваших персонажей стынет кровь в жилах.

— Общая ситуация в 60-е годы оказалась таковой, словно мы, то есть наша группа, были выброшены в космическое пустое поле. Наш круг «на Южинском» постоянно жил с ощущением атеистического террора. Не только в СССР, но и во всем мире царила бездуховность, разрыв с традициями. Экзистенциалисты раньше других ощутили пустоту мира — Камю, Кафка, один из любимых моих писателей. Из этой космической, какой-то метафизической пустоты надо было выбираться своими силами. Человек брошен был как ребенок, один в море — барахтайся! И выбирайся сам! Естественно, у нас возник интерес к смерти, как к факту необъяснимому.

— Юрий Витальевич, метафизический интерес к потустороннему миру, к смерти у простого обывателя не выражен столь явно. Он пьет до потери сознания, потому что его обиденная жизнь тосклива, тошнотворна. Он пьет от собственной бессильности. Обычно пьют

лософствуют о смерти группы любителей потреться и поймать кайф, копясь в житейских отходах.

— И обыватели, и салонные трепачи заблуждаются.

— Наверно, самый страшный рассказ Мамлеева «Удовлетворюсь!». С поеданием мяса новопреставленного. Пьющие и философствующие женщины и мужчины решают у вас вечный вопрос: что есть смерть? Какая мысль вам здесь светила, которую читатель ухватить не может?

— Дело в том, что все мои значительные произведения основаны на гротеске — по старинной русской традиции. Этот рассказ — как раз типичная иллюстрация метафорического изображения ада, о котором я уже сказал. Никто не удивляется, что Баба Яга поедает детей, пьет чужую кровь и так далее. Никто же не считает, что это клевета на бабушек. Состояние отчаяния в жизни подталкивает человека к чему-то сверхвозможному, что в писательском изложении принимает форму гротеска. Разве вы или кто-то другой постиг темные стороны души? Тайные, скрытые стороны человеческого сознания — вот что меня интересует! Отсюда гротесковость в ситуациях, невероятность слов и поступков персонажей. В одной из рецензий на Западе писали, что у меня, как у Достоевского, есть способность проникать в ночную сторону человеческой души, из этой ночной стороны путем интуиции творить человеческий характер. Я вытаскиваю то, что человек сам о себе не знает. Мой гротеск — на то зло, которое таится в человеке. Само изображение зла не есть зло. Только познавший эти темные, страшные закулисы своей души человек может от этого зла освободиться.

— Если он, конечно, испытает катарсис прозрения.

— Я изображаю зло отстраненно, не оценивая, плохо это или хорошо. У всех моих персонажей ощущается любовь к бытию. Благодаря этому произошла одна странная вещь: это было за границей, два молодых музыканта-эмигранта решились на отчаянный шаг — покончить жизнь самоубийством. Случайно или нет, но они прочли мой роман «Шатуны». И отказались от задуманного — им захотелось жить. Были случаи и не такого экстраемного характера. Но многие мои читатели воспринимали подтекст как противоположность гнету смерти. К ним возвращалась любовь к бытию. Почему у людей возникает интерес к смерти? Потому что им кажется, что это конец бытия. В моих рассказах присутствует тоска по бессмертию. В Средние века говорили: «Мemento мори» — «Помни о смерти». Смерть надо победить. Смерть — это дорога к бессмертию. Я изображаю современный мир как ад. Есть тип моих героев, в которых монстр присутствует как видимость. Эти люди, особенно в «Шатунах», хотят найти ответы на вопросы, выходящие за пределы разума. Поэтому они как-то сдвинулись, обезумели; они вошли в запретную для человека зону.

— Испытываете ли вы иногда приступы тоски?

— Нет, депрессий у меня не бывает никогда.

— Андерграундный Мамлеев когда-то обронил фразу «сексуальный мистик». Как понять это?

— Это началось в Южинском переулке, в среде художников. Там бывали художники Анатолий Зверев, Лев Кропивницкий, Саша Харитонов, поэт Генрих Сапгир и Венечка Ерофеев. Художник Володя Кавенацкий выпускал стенгазету «Сексуальный мистик» и резвился вовсю — рисовал пером ангелочков и разные сценки. Жили мы тогда в коммуналке. Наши соседи, бывало, зайдут, посмотрят в испуге и разойдутся. А напротив жил милиционер, он приставал к Володе и ко мне: «Почему вы голых баб рисуете?» За голых баб он принимал гробы, которых Володя изображал в форме летящих дев. Вот откуда идет этот сексуальный мистик и наша сюрреалистическая игра.

— Да, ваши персонажи — те еще «сюррики». С кем они только не хотели совокупляться!

— Это гротеск на сексуальные влечения. Это тот же ад.

— Вы слегка посмеиваетесь над читателями?

— Никогда! Я беспристрастен. Читатель не ребенок. Это его дело — разбираться во всем, смеяться или досадовать.

— В произведениях Мамлеева встречается и знание привычек бомжей, спившихся бродяг, можно подумать, что вы лазали по темным углам заброшенных домов и грязных помоек Нью-Йорка. Вам приходилось общаться с тамошним дном?

— Конечно, я многое видел. Но огромна роль интуиции. Заметишь в метро человека, встретишь его взгляд, и уже включается интуиция. Она угадывает и его проблемы, и его характер. И уж, конечно, где он спит по ночам. В публицистике, в статьях своих, я совсем другой — более консервативный, защищаю русские ценности и православию.

— Мне почему-то кажется, что среди ваших друзей больше художников, чем писателей.

— Друзья-художники были и нашими первыми читателями. У Михаила Шемякина есть целый цикл великолепных рисунков к моим рассказам.

— Если бы Мефистофель или какой-то другой посланец Сатаны захотел овладеть вашей душой, что потребовали бы вы взамен?

— Ни от Мефисто, даже от самого Сатаны не желаю ничего. Полный отказ! Считаю, что это слишком мелкие персонажи, чтобы обращать на них внимание. Истинные бездны хранятся в Абсолюте, в Боге.

В семье Мамлеевых обожают рыжую кошку-персиянку Мисюсю и рыжего маленького колли сэра Лоренса, а попросту Ларри. Пес и кошка иногда путешествуют с ними за Границу. В них Юрий Витальевич обретает покой. Они — полная противоположность нашей сумасшедшей жизни и тем героям, которые занимают воображение писателя.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Совет. Намечено было — 8000-8100 руб. — 033